

<К. А. УМАНСКИЙ>

**<Политическое письмо К. А. Уманского
В. М. Молотову>***

Политическое письмо полномочного представителя СССР в США К. А. Уманского народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову о положении в США, внутренней и внешней политике администрации президента Ф. Рузвельта, о состоянии советско-американских отношений

13 декабря 1939 г. Сов[ершенно] секретно

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

О важнейших моментах, характеризующих обострение наших отношений с США, я информировал Вас на основании здешних сведений по телеграфу. Пока события не внесли поправок в дававшиеся оценки и в прогноз о маловероятности разрыва отношений, но за будущее ручаться трудно. Ввиду неизбежной сжатости телеграфной информации, попытаюсь несколько подробнее охарактеризовать создавшуюся здесь обстановку.

1. Политическое положение в США

Внутренняя и внешняя политика США определяются сейчас резкой активизацией американского империализма в Европе и Латинской Америке, крушением изоляционизма, быстро

---

* Впервые: Советско-американские отношения 1939–1945. 1939 год. № 9. С. 24–35. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 221–235. Копия. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

уступающего место военному психозу, существенным военным оживлением в промышленности (при почти неизменной массовой безработице и хроническом аграрном кризисе), усилением реакции, заостренной против компартии и передовых профсоюзов, и постепенным приспособлением всей внешней и внутренней политики и экономики ко все более активному вовлечению США в европейскую войну, к расширению зоны войны.

Рузвельтом взята ставка на победу англо-французского блока, на максимально выгодное для англо-французов применение на практике закона о нейтралитете (и без того благоприятствующего англо-французам, как обладающим возможностями платежа наличными и перевозки на неамериканских судах вооружения), на оказание им более активной помощи в случае угрозы их поражения. *Возможные ближайшие этапы активизации американской помощи англо-французам*: а) разрешение американским торговым судам перевозить под чужими флагами соответствующие грузы в англо-французские порты и иные районы, объявленные Рузвельтом военными зонами (первая попытка в этом направлении — проект передачи группы американских пароходов под панамский флаг — провалилась, но приехавший на днях посол США в Лондоне англофил Кеннеди привез с собой новые схемы в том же направлении); б) пересмотр законодательства о нейтралитете в сторону разрешения предоставления воюющим странам (т. е. англо-французам) кредитов и займов; этот вопрос пока стоит не очень остро, как ввиду относительно небольшого объема англо-французских военных закупок, так и ввиду наличия у англо-французов в США приблизительно трехмиллиардного фонда вложений в американскую промышленность, который может быть мобилизован для расчетов наличными по военным закупкам; более того, в отдельных случаях англо-французы пока что даже сами субсидируют американские фирмы для выполнения англо-французских заказов (авиапромышленник Лодвик рассказывал мне на днях, что, по его сведениям, французы вложили 5 млн долл. в расширение одного цеха на заводе Райта, строящего для них авиамоторы); однако вскоре может наступить момент, когда американские авиационные и иные промышленники окажутся перед альтернативой — либо свертывать разбухший в связи с иностранными заказами производственный аппарат, либо настоять на устранении законодательных рогаток для предоставления кредитов этим иностранным заказчикам,

по типу практики 1914–18 гг., т. к. в один прекрасный день англо-французы откажутся продолжать уплату наличными и начнут шантажировать американцев падением военной конъюнктуры в промышленности США; в) конвоирование американским флотом поставок англо-французам, т. е. ликвидация всякой видимости нейтралитета в пользу «старой доброй» теории свободы морей; к этой перспективе, которая станет реальной в случае угрозы поражения англо-французов и которая будет равносильна активному включению США в войну, общественное мнение уже психологически подготавливается прессой изо дня в день; г) завершающий этап включения в войну: посылка американского экспедиционного корпуса в Европу по примеру 1917 года; для развертывания экспедиционной силы того же размера американцам, по мнению специалистов, потребуется не менее полутора лет, и, кроме того, при нынешней «сидячей» войне в Зап[адной] Европе потребности в американской живой силе и даже американской авиации пока не ощущается; однако эта перспектива, в случае оживления западно-европейского или создания нового театра военных действий, рассматривается как реальная. Достаточно приглядеться к бешеному росту ам[ериканского] военного бюджета, особенно авиационного, чтобы понять, что Рузвельт взял курс на создание серьезной экспедиционной силы, выходящей далеко за пределы того, что требовалось США для «малых интервенций» в Латинской Америке.

Таковы наиболее вероятные дальнейшие этапы втягивания США во вторую империалистическую войну.

Движущие мотивы и цели правящего класса США при этом прогрессирующем вползании в войну в основном следующие:

а) не допустить такого колониального передела в пользу Германии, особенно на западном побережье Африки, который, с точки зрения американского империализма, угрожал бы его позициям в Латинской Америке;

б) использовать вторую империалистическую войну для максимальной наживы и «выхода» из кризиса через военную конъюнктуру; отсюда — заинтересованность в оживлении и расширении войны;

в) использовать вторую империалистическую войну для закрепления и расширения американского влияния в Латинской Америке за счет не только Германии и Италии (Бразилия, Перу, Аргентина), но и Англии (Аргентина);

г) при любой перспективе — будь то «самостоятельная» победа англо-французов над Германией или победа в результате и после американского вмешательства — активно включиться в эксплуатацию «добычи» — подчинить Германию гегемонии англо-франко-американского финансового капитала (см. пропаганду «идеи» Соед[иненных] Штатов Европы в английской и американской прессе), «реорганизовать» на базе этой гегемонии Центральную и Юго-Восточную Европу как плацдарм для антисоветской борьбы. При этом все яснее ставка американцев на «умеренные» круги германского монополистического капитала (типа Тиссена*) и иллюзии о возможности вбить клин между Гитлером, с одной стороны, кругами Геринга и командования германской армии — с другой;

д) высвободить путем разгрома Германии английские силы для совместного с Англией выступления против Японии «после» европейской войны (см. переданную Вам мною информацию о пропаганде английского посла лорда Лотизена⁵ в этом направлении); характерно, что при этом сейчас в американских военно-морских кругах поговаривают о необходимости для американского флота, в случае англо-американского отпора японским попыткам захватить Индонезию, иметь «постоянные стоянки» в Сингапуре и Гонконге и что за этими разговорами нетрудно разглядеть мечтания активных американских империалистов укрепиться в Тихом океане не только против Японии, но и за счет относительного ослабления Англии. Таким образом, антианглийский «задний фон» американской империалистической политики проскальзывает не только в делах Латинской Америки (Аргентина), но и в перспективах тихоокеанских, несмотря на всю декламацию печати об «англосаксонской» солидарности;

е) «попутно» с военной обстановкой, путем военно-экономических регулятивных мероприятий правительства, — сломить сопротивление американского рабочего класса свертыванию того куцега реформистского законодательства, которое рабочий класс в кризисные годы своим нажимом вырвал у Рузвельта; заготовленные Американским Правительством мобилизации-

---

* Тиссен — семья германских промышленных магнатов, владельцев горно-металлургических предприятий Рура. Фриц Тиссен (1873–1951) в 1939 г. уехал в Швейцарию, затем во Францию, где был арестован немецкими оккупационными войсками и помещен в концентрационный лагерь. — *Примеч. сост.*

онные законопроекты, предусматривающие запрет забастовок и фактическую трудовую повинность (материалы эти пока не опубликованы) дали бы в случае дальнейшего вползания в войну «легальную» базу для наступления на жизненный уровень рабочего класса и для разгрома его организаций;

ж) последнее по счету, но никак не по значению: не только не допустить дальнейшего *нашего укрепления*, но попытаться собрать и в будущем даже возглавить все антисоветские факторы в мире для превращения нынешней войны в антисоветскую. Инспирируемая сейчас Рузвельтом травля и истерика против нас, поддержка финнам, поощрение итальянских антисоветских интриг, игра на неких «несогласных» с Гитлером элементах в германском руководстве, инсценировка единого антисоветского блока Латинской Америки, закулисные попытки «обогнать» нас в соглашении с Японией и т. д. — достаточные тому доказательства.

Эти мотивы и цели вползания США в войну прикрываются полинявшей изоляционистской фразеологией о том, что надо-де и можно-де избежать вовлечения США в войну, что новый закон о нейтралитете якобы именно на это рассчитан, хотя к этому обычно и добавляется (и в прессе, и в официальных выступлениях), что симпатии американского народа ясны, что они на стороне «демократических» держав и т. д. Иногда из правительственных кругов раздаются и робкие предупреждения по адресу как промышленников и биржевиков, так и по адресу фермеров о рискованности «сверхэкспансии» промышленности и сельского хозяйства в расчете на военные и сырьевые заказы из-за границы, которые-де могут не оправдать ожиданий. *Все это отражает следующие трудности, испытываемые правительством Рузвельта в его курсе на прогрессирующее втягивание США в войну:*

а) военный психоз, в создании которого Рузвельт имеет, правда, несомненные успехи, отнюдь не охватил в целом те широкие трудящиеся рабоче-фермерские массы, перед которыми поэтому приходится маскировать вползание в войну изоляционистско-пацифистской фразеологией; фермерство на европейской войне пока выиграло мало; несколько усилился вывоз и повысились цены на хлопок и жиры, такие же важнейшие для американского сельского хозяйства продукты, как пшеница и маис, а также фрукты, табак и т. д. вывозятся пока за границу в меньшем, а не большем объеме, чем до сентября, чем и объясняется «вя-

лость» цен на эти продукты. Но и та часть фермерства, которая уже начала подрабатывать на войне, не забыла горького опыта первой империалистической войны, когда за военной горячкой, «сверхэкспансией» посевных площадей и т. д. последовало тяжелое похмелье — падение цен, кризис, истощение почвы, обнищание. С этими настроениями фермерства, хотя и не принявшими формы активных, сознательных противовоенных выступлений, Рузвельту приходится считаться;

б) несмотря на серьезное промышленное оживление, вернувшее промышленность в целом к докризисному уровню 1929 года, безработица превышает 11 миллионов, и в этих условиях не приходится рассчитывать на восстановление докризисной покупательной способности. Оживление крайне неравномерно. При бурном росте продукции стальной, металлообрабатывающей, авиационной и всех видов военной промышленности ряд отраслей промышленности, производящей средства потребления, уже испытывает на себе минусы военной конъюнктуры: резко сократился экспорт в Европу мирных товаров, а потребление их на внутреннем рынке растет весьма туго, тем более что, как обычно в США, рост цен на сталь уже потянул за собой рост цен на все промышленные изделия, правительство же, кичившееся раньше своей кампанией против монополистской диктатуры цен, ничего сейчас не предпринимает против сговора монополистов о повышении цен. К этому надо добавить, что как раз в тех отраслях промышленности, где имеется наибольшее оживление, за годы кризиса произошло больше всего технологических изменений, создающих резкую диспропорцию между ростом продукции и сокращением безработицы (так, например, по данным профсоюза металлистов, введение новых листопрокатных станков привело к сокращению числа нанятых за последние три месяца стальной промышленностью рабочих на 90 тыс. человек против числа, требовавшегося при докризисном оборудовании. Имеется, правда, прослойка рабочей аристократии, которая заражена военной горячкой и пытается тянуть за собой отсталые слои рабочих, однако в целом рабочий класс США, понимающий искусственность, односторонность военной конъюнктуры и неизбежную в военной обстановке реакцию, не поддается пока на удочку военной пропаганды. Из кругов руководства прогрессивных профсоюзов (т. н. Конгресс индустриальных организаций) мне передают, что Рузвельт делал попытки заговорить с этим руко-

водством о «промышленном перемирии» на время войны, т. е. фактическом отказе от свободы стачек, но получил от Джона Льюиса отрицательный ответ как по этому вопросу, так и по вопросу о желательности новой попытки мира и слияния производственных профсоюзов с реакционнейшей Американской федерацией труда*. Оба профсоюзных объединения высказались, правда, за нынешний закон о нейтралитете, но с оговорками, делающими весьма маловероятным их согласие на дальнейшее вползание в войну. Антивоенные настроения в рабочем классе организационно слабо оформлены, за исключением компартии, на которой сосредоточились все удары реакции, но во всяком случае антивоенные настроения в рабочем классе сильнее, чем в фермерстве, и не могут не заставить Рузвельта и вообще правящие круги считаться с ними. Самая сила растущей реакции (инсценировка процессов против Браудера и других членов ЦК по нелепейшим поводам, кампания комитета Дайса и т. д.) является косвенным признанием со стороны буржуазии той силы сопротивления со стороны рабочего класса, которую она ожидает в случае дальнейшего втягивания в войну;

в) в настоящее время влиятельные круги финансового капитала оказывают давление на политических лидеров *обеих* партий в том направлении, чтобы вопросы внешней политики играли подчиненную роль во время избирательной кампании по переизбору президента, Палаты представителей и трети Сената в 1940 году. В этом же направлении пытается договариваться с оппозицией и Рузвельт, и его непосредственное окружение. Однако, хотя у республиканцев по существу никаких *основных* внешнеполитических разногласий с демократами не имеется, они, видимо, отнюдь не собираются угождать Рузвельту и его планам «национального единства», которые облегчили бы переизбрание Рузвельта. Поэтому республиканцы, большинство фракции которых именно по этим же соображениям голосовало в Конгрессе против пересмотра закона о нейтралитете и орудовало изоляционистскими лозунгами, не прочь демагогически использовать в избирательной кампании потенциальные антивоенные

---

* Американская федерация труда, АФТ — одна из крупнейших профсоюзных организаций США, существовавшая в 1886–1955 гг., а с 1955 г. ставшая частью объединения Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов. — *Примеч. сост.*

настроения в рабочих, фермерских, мелкобуржуазных слоях, с тем чтобы, направив эти настроения в свою пользу, против Рузвельта как толкающего на войну, конечно, предать эти массы немедленно после прихода к власти. Во всяком случае, Рузвельт вынужден оглядываться на эту игру республиканцев, и это также является известным тормозом в его курсе на вползание в войну, тем более что, по-видимому, он не потерял аппетита на переизбрание в третий раз.

Однако помимо этих внутривнутриполитических трудностей имеется еще один ряд противоречий, осложняющих внешнеполитический курс Рузвельта на войну, — противоречия, вытекающие из самой империалистической природы внешней политики США. Достаточно привести два примера:

а) курс на ухудшение отношений с нами ослабляет позицию США по отношению к Японии; капитуляция англичан и французов на Дальнем Востоке ставит США лицом к лицу с Японией, улучшающей свои отношения с СССР; в руках США довольно эффективная угроза применения эмбарго к Японии, но последняя хорошо знает, что США взяли курс на вползание в европейскую войну, что США не в состоянии бороться на два фронта и отвлекать из Атлантики морские силы в случае, если Япония ответит на эмбарго захватом индонезийской нефти, и поэтому положение США на Тихом океане, в результате проанглийской и антисоветской линии, ослаблено;

б) сближение со странами Латинской Америки происходит отнюдь не столь идиллически, как это может казаться по совместным дип[ломатическим] декларациям и газетным статьям. Ряд латиноамериканских стран серьезно насторожился перед лицом американского внедрения, идущего за счет влияния Италии, Германии, Англии, которых можно было раньше разыгрывать против США. Характерен отказ Чили присоединиться к проинспирированной Вашингтоном совместной антисоветской декларации по поводу финского конфликта (это отчасти и протест правительства народного фронта Чили против отказа Правительства США, действующего под нажимом ам[ериканских] промышленников, снизить тарифы на ввоз меди в США). Характерно, далее, новое обострение отношений между США и Мексикой в связи с решением Верховного Суда Мексики о законности конфискации принадлежавших американским компаниям нефтеносных земель и в связи с конфискацией новых крупных ам[ериканских]

земельных участков. Мексика, правда, присоединилась к антисоветской декларации, но, судя по ам[ериканским] газетам, остерегается в Женеве дальнейшего вовлечения в антисоветские интриги. Характерно, далее, недавнее заявление аргентинского Минфина о том, что при разверстке между импортерами валюты на ввоз заграничных товаров предпочтение будет отдаваться англичанам, а не американцам (это ответ на отказ США снизить тарифы на ввоз аргентинского мяса под давлением мясоторговцев и скотоводов США, а также характерный пример неизменно сильного британского влияния в Аргентине).

Лавируя через эти внутренние и внешние препятствия, Рузвельт, верно отражающий волю правящего класса, будет продолжать развязывать процесс втягивания в войну, сначала в нынешних рамках полунейтралитета, а затем, когда эти рамки станут его стеснять, путем расширения и отмены всех законодательных «нейтральных» рогаток. За это он заплатит дорогую цену: внутри США — резкое обострение классовых противоречий, свертывание восьмилетней политики Нового курса, который был громоотводом для классовой борьбы; во внешней политике — ценой серьезных уступок японскому империализму за счет Китая, в ущерб интересам США, как бы Рузвельт ни тешил себя надеждой на то, что уступки эти будут временные.

Такова общая политическая ситуация в США, в общих чертах, в которой происходит резкое ухудшение наших отношений с Америкой, наиболее серьезное за все время существования советско-американских отношений.

2. Состояние советско-американских отношений накануне обострения конфликта с Финляндией

Ухудшение наших отношений с США началось и быстро прогрессировало сразу после провала англо-франко-американских расчетов на возможность натравить на нас Германию, возложить на нас бремя войны с ней, т. е. с момента заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа с. г. Этому в июне — июле с. г. предшествовала кратковременная полоса относительного улучшения отношений, продиктованного с американской стороны этими же расчетами на успех наших переговоров с англо-французами на ИХ базе, имевшей поддержку Вашингтона. (Признаки тогдашнего улучшения: предложение Моргентау

о займе и ликвидации долгового вопроса, сделанное мне в июне с. г., уступки Рузвельта — Эдисона по вопросам наших морских заказов, переговоры о закупке нашего марганца Ам[ериканским] Правительством, ускорение отъезда в Москву Штейнгардта, назначение, а затем отъезд которого неприлично долго затягивались, ряд дружественных выступлений официальных лиц в связи с функционированием нашего павильона в Нью-Йорке.) Однако за все годы, и особенно начиная с 1935–36 гг. (конфликт вокруг выступлений на VII Конгрессе Коминтерна, прекращение переговоров об урегулировании долгов), база наших отношений с США оставалась весьма узкой и шаткой. Ам[ериканское] посольство в Москве, антисоветская клика в Госдепартаменте, реакционеры из Республиканской партии и реакционного крыла демократов были проводниками враждебной нам информации и влияний и саботировали улучшение отношений. С другой стороны, и Рузвельт, находившийся все эти годы под обстрелом реакции, обвинявшей его чуть ли не в «коммунизме», и очень чувствительно относившийся к этой критике, проводил отношения с нами с постоянной опаской и оглядкой на этих критиков, в публичных выступлениях никогда не упускал случая лягнуть «все диктатуры» и ни по одному из серьезных вопросов, возникших за последние годы (кризисы — австрийский, чехословацкий, китайский и т. д.), не искал с нами делового контакта, ограничиваясь присылкой нам своих циркулярных телеграмм в стиле нагорной проповеди о мире. Если не ошибаюсь, намеки американского делегата на Брюссельской конференции Нормана Дэвиса тов. Литвинову об «отсутствии возражений» у американцев и англичан против нашей помощи Китаю были едва ли не единственным «контактом» между СССР и США по вопросу о дальневосточном конфликте. Иллюзии о возможности отвратить японскую экспансию в сторону СССР, ослабив и нас, и японцев, продолжали довлеть над американскими правящими кругами все эти годы. Весьма недружественное поведение ам[ериканской] прессы во время хасанских и монгольских боев* было в этом отношении показательным. Торговые отношения, базировавшиеся на расчете наличными и лишь в небольшой доле на кредитах, развивались в общем и целом нормально, на базе предоставле-

* Бой у о. Хачан и у р. Халкин-голе. Серия столкновений между Японией и СССР в 1938–1939 гг. — *Примеч. сост.*

ния нам наибольшего неограниченного благопритствования, однако и в «лучшие» времена наших отношений с США военные и военно-морские органы шли весьма туго на предоставление нам права заказывать интересовавшие нас оборонные объекты.

По возвращении своем в США после почти четырехмесячного отсутствия я застал обстановку, изменившуюся к худшему почти до неузнаваемости. Если можно так выразиться, «несущая поверхность» наших отношений с США не выдержала нагрузки новой расстановки сил в Европе, и все враждебные нам влияния с громадной силой прорвались наружу. *Я застал атмосферу полубойкота, предельного холода* в сношениях с официальными лицами, мелких придирок, бешеной антисоветской кампании в прессе, резкого ухудшения условий наших закупок в отношении цен, сроков и юридических условий, ограничение деятельности наших комиссий, работающих на ам[ериканских] заводах в порядке выполнения договоров о тех[нической] помощи и т. д. *Самый факт моего приезда был использован* (как передают, по инспирации англичан и их друзей в Госдепартаменте) *для размазывания в печати идиотских выдумок обо мне как «агенте ОГПУ»* — выдумок, которые были пущены еще в 1936 году Буллитом в отместку за случаи разоблачения его антисоветских махинаций перед некоторыми ам[ериканскими] корреспондентами в Москве. На этот раз старая выдумка была «оживлена» тем, что исходила от «генерала» Кривицкого, под фирмой которого сейчас гастролитруют любые антисоветские писаки. На тот факт, что на пароход для неудавшейся попытки получить у меня интервью демонстративно явились дюжины две журналистов, из которых некоторые написали затем всякие пакости, далее и *на факт митинга правых социалистов и троцкистов в Нью-Йорке с требованием «расследования» моей деятельности в США*, наконец, и на факт нескольких хулиганских статей в печати в том же духе можно было бы и не обращать внимания. Хуже то, что Госдепартамент пассивно поощрил кампанию тем, что когда Хэлл был спрошен журналистами о возможности подобного «расследования» деятельности посла дружественной державы, то он ответил... что «ничего не имеет заявить», и повторил этот ответ и тогда, когда корреспондент «Нью-Йорк таймс» спросил его, не явилось ли бы подобное «расследование» совершенно необычным с точки зрения международных приличий. *Гораздо более серьезным, чем эта кратковременная кампания против меня,*

является абсолютная пассивность, т. е. по существу поощрение со стороны правительства по отношению к неслыханным антисоветским выходкам в парламентской комиссии Дайса «по расследованию неамериканской деятельности», в процессе которой были случаи грубейшего вмешательства во внутренние дела СССР, попытки опорочить репутацию полпредства и т. д. Когда вопрос об этих выходках возник в процессе моих неофициальных разговоров по возвращении из Москвы с высшими чиновниками Госдепартамента, последние начали обычную волюнку на тему о том, что-де по ам[ериканской] конституции исполнительная власть не может вмешиваться в действия или стеснять свободу выступлений органов законодательной власти. Я ответил им (в частности, советнику Госдепартамента по европейским делам Данну), что, насколько мне известно, президент Рузвельт неоднократно публично выступал против тех или иных методов комиссии Дайса, когда затрагивались вопросы внутренней политики, и что иностранные державы и их представители подавно должны рассчитывать на ограждение их президентом от выпадов и клеветы со стороны м-ра Дайса. Данн на это ответил, что «если бы у Госдепартамента были претензии к *сов[етскому]* посольству или послу, то претензии эти были бы непосредственно заявлены». Я указал Данну, что ценность данного его заявления уменьшается тем, что оно делается в частном и непубличном порядке и что подобное же заявление, сделанное официально и публично, могло бы повлиять на кампанию и было бы истолковано как отмежевание Госдепартамента от таковой. Этот неофициальный разговор, происходивший в связи с моими визитами в Госдепартамент, где я представлял тов. Громыко, увы, никаких практических последствий не имел.

Следует добавить, что при посещении мною и тов. Громыко зам[естителя] госсекретаря *Грэди, ведающего торгово-политическими делами*, Грэди всячески отрицал элемент дискриминации по отношению к нам в области торговли и *пытался изобразить дело так, будто «сами промышленники», в силу политической обстановки, ухудшили отношение к нам.* Государственный же Департамент якобы по-прежнему заинтересован в недискриминационном режиме для нашей торговли. В свете «морального эмбарго» Рузвельта это заявление Грэди уже древняя история.

Первый зам[еститель] Хэлла (бывшего в отпуску) Самнер Уэллес принял меня и тов. Громыко весьма сдержанно, и единствен-

ным относительно интересным моментом беседы было заявление его о том, что, в отличие от периода американского нейтралитета в первые три года войны 1914–1917 гг., общественное мнение США «уже ясно дало понять, на чьей стороне его симпатии». В прежних условиях традиционного нейтралитета подобное заявление иностранному послу со стороны первого зама Мининдела было бы сенсационным, в нынешних же условиях оно лишь характеризует степень активизации провоенной деятельности Госдепартамента и Ам[ериканского] Правительства в целом.

Зам[еститель] госсекретаря Мессерсмит, принимая меня и тов. Громько, не проявил и тени прежней дружественности (он относился к нам лучше всех остальных руководителей Госдепартамента) и начал жаловаться на созданный для Штейнгардта в Москве «невыносимый режим». Кроме старой истории с просмотром вещей д-ра Нельсона, Мессерсмит ничего конкретного не мог привести и ничего не мог ответить мне и на мое заявление, что перед моим отъездом Штейнгардт выразил мне свое удовлетворение любезным и эффективным вмешательством тов. Молотова во все мелкие дела из быта посольства США, которые, как заявил мне Штейнгардт, урегулированы к его полному удовлетворению. *(Мне передавали из хорошего источника, что Госдепартамент особо раздражен «навязчивой» охраной Штейнгардта в Москве, которая изображается чиновниками Госдепартамента как «слежка», и что в Госдепартаменте имеется проект «отомстить» нам тем, что такая же «неотлучная» охрана будет установлена в отношении полпреда СССР в США.)*

Нам ДОПОДЛИННО известно (непосредственно от одного из заместителей члена правительства), что демонстративное отсутствие членов правительства на приеме в полпредстве 7 ноября (за два дня до моего приезда в США) явилось результатом прямого письменного указания лично Рузвельта, который столь же демонстративно впервые не поздравил товарища Калинина с годовщиной.

Хотя правительственные органы ФОРМАЛЬНО не взяли обратно данного ими разрешения на проектирование и постройку наших морских единиц, включая и те объекты, о которых я подробно договаривался с Рузвельтом в июне, однако дело можно считать пока законченным, поскольку, со ссылкой на якобы предельную загруженность верфей правительственными заказами, Госдепартамент, как Вы знаете, объявил дело в настоящее время

неосуществимым. Если, паче чаяния, в некотором отдаленном будущем наступит улучшение наших отношений с США и если мы не потеряем к тому времени интереса к подобным заказам за границей, то можно будет воспользоваться тем фактом, что формально разрешение Американским Правительством *не отменено*. Я лично считаю, что наши т[оварищи] из морской комиссии и Амторга совершили все же ту ошибку, что не связались *непосредственно* с судостроительными фирмами и действовали через проектировочную контору Гиббса, находившегося под более непосредственным воздействием Госдепартамента и наших недругов в других органах, чем крупные судостроительные фирмы, которых мог привлечь барыш. Однако в свете происшедших с того времени в наших отношениях с США событий трудно утверждать, что практический результат от этого изменился бы.

За все время моего пребывания здесь после приезда из Москвы и вплоть до обострения конфликта с финнами *в американской прессе не прекращалась инспирировавшаяся из Вашингтона кампания поощрения и натравливания на нас финнов*. Характерно в этой связи, что корреспондент скриппс-говардовских газет Клаппер в статье 4 ноября проговорился о том, что (цитирую буквально) «вполне вероятно, что за неожиданным интересом США к русско-финляндским отношениям скрывается в первую очередь интерес не к европейским, а к тихоокеанским делам» («Уорлд телеграмм» от указанн[ого] числа). Это опасение, как бы улучшение наших отношений с Японией не укрепило наших позиций как на Дальн[ем] Востоке, так и в Европе, сквозило в ряде бесед американцев со мной и в др. газетных статьях. Во всех последующих активно антисоветских действиях Рузвельта в связи с финским конфликтом это раздражение провалом американской ставки на стравливание японцев с нами явно остается постоянным задним фоном.

Еще до обострения конфликта, помимо известных Вам актов «морального» поощрения финнов, американцы форсировали материальную поддержку: переговоры о займе (о котором в свое время я Вам сообщал, на основании частных сведений, как о займе на 15 млн долл.; заем дан в размере десяти млн долл.); крупные закупки самолетов и др. военного оборудования — в размере до 800 тыс. долл. за один месяц октябрь (против суммы ок. 900 тыс. закупленных СССР в США военных материалов за десять месяцев тек[ущего] года). Наряду с этим — перевод

военного атташе, намечавшегося к отозванию в Вашингтон, из Москвы — в Хельсинки, отправка многочисленных корреспондентов американской] прессы в Финляндию в «предвидении» событий и т. д.

Такова была обстановка уже сильно ухудшенных американо-советских отношений к моменту обострения конфликта с финнами, таковы были множившиеся признаки оказать «моральную» и материальную помощь финнам в интересах расширения зоны войны, в интересах англо-французского блока, в интересах попыток осложнить наше международное положение и этим «отпугнуть» от нас японцев.

3. Политика правительства США в связи с финским конфликтом

В момент обострения нашего конфликта с Каяндерами — Танкерами Рузвельт развил бешеную активность. Если уже в процессе наших переговоров с финнами он грубо отступил от своей же традиции прошлых лет — обращаться с «умиротворяющими» посланиями одновременно к *обеим* конфликтующим сторонам, то в дни 30 ноября — 6 декабря Рузвельт, как балласт, стал выбрасывать из окна одну традицию за другой: а) его заявление о «спровоцированных» бомбардировках было фактическим поощрением и благословением финских «ответных» бомбардировок, на которые Рузвельт явно надеялся; б) если заявление о «моральном эмбарго» в отношении Японии он раньше предоставлял Хэллу, то на этот раз он сделал его сам, притом в расширенной форме, включив «материалы, необходимые для производства самолетов»; в) Госдепартамент распространял за своей официальной маркой военные коммюнике и прочие враки финнов; г) заем финнам был предоставлен «из средств» государственного Экспортно-импортного банка*, хотя фонд для предоставления займов иностранным фирмам и державам в этом банке давно уже равен нулю (исчерпан южноамериканцами), а в новом ассигновании банку на эти нужды Конгресс в июле с. г. отказал и, как мне из-

* Экспортно-импортный банк США государственное учреждение, имеющее целью поддержку национальных экспортеров. Осуществляет кредитование покупателей американских товаров из других стран, которые не могут получить кредит из традиционных источников коммерческого финансирования. — *Примеч. сост.*

вестно из личного разговора с китайским послом Ху Ши, недавно с этой же мотивировкой китайцам было отказано в новом кредите через данный банк (другими словами, Рузвельт произвел некую незаконную, с ам[ериканской] точки зрения, операцию через банк из средств Казначейства, считая, что в обстановке созданной им антисоветской истерики ему это сойдет); д) Рузвельт позвал к себе республиканских и демократических лидеров Сената и Палаты представителей и предложил им, в несколько необычном порядке, своего рода «межпартийное перемирие» по вопросу о помощи Финляндии и выступлений против СССР — однако без разрыва отношений, — пытаюсь заработать на конфликте внутривнутриполитически и обезопасить себя от нападков республиканцев по своему адресу с обвинениями в «помощи большевикам путем признания их Рузвельтом в 1933 году» (этот маневр Рузвельту не удался, и, хотя ряд республиканских лидеров и газет открыто или в душе разделяет политику сохранения отношений с нами, они не могут отказать себе в удовольствии использовать указанный «тезис» о признании СССР как материал против Рузвельта в развертывающейся избирательной кампании; другие же республиканские лидеры типа Ванденберга — Джонсона по существу не согласны с этой линией и активно выступают за разрыв, против Рузвельта и его «русской политики»); е) совещания финского «посланника» Прокопе с Рузвельтом, с Военным Департаментом (о военн[ых] закупках) беззастенчиво афишируются так, как это делается лишь в отношении военных союзников. Можно привести ряд других примеров того, что Рузвельт нарушил все и всякие традиции и приличия «нейтрального» государства. Это стало возможным лишь в результате созданного прессой — не безуспешно — анти-советского психоза и характеризует поразительно быстрые темпы вползания в войну США, которые на третий месяц второй империалистической войны уже находятся в той стадии втягивания в войну, в какой США были на третий год (в начале 1917 года) первой империалистической войны.

*Все же тот прогноз о крайней маловероятности разрыва, который я формулировал телеграфно, пока себя оправдывает*²⁸. Причин, которые перечислялись, повторять не буду (тем более что это делает тов. Громыко в посылаемом Вам данной почтой письме, представляющем интерес, поскольку оно содержит первые впечатления «свежего» человека). Тактика Рузвельта, по-видимому, будет и дальше заключаться в том, чтобы держать наши отноше-

ния на «без-пяти-минут-разрыве», шантажировать нас разрывом и накапливать провокационный материал на тему о нашем мнимом «вмешательстве во внутренние дела» с тем, чтобы в момент, который он сочтет подходящим с международной и внутренней точки зрения, пойти на дальнейшее ухудшение отношений; по-видимому, к моменту разгрома белофиннов к нам будет применен акт о нейтралитете, применение которого на данном этапе ударило бы по белофиннам гораздо больше, чем по нам. Далее, на очереди дальнейший нажим на промышленников (включая, по-видимому, и станкостроительные фирмы, которых сейчас усиленно занимают своими заказами англо-французы и японцы) в направлении непринятия от нас новых заказов под разными предложениями или в результате выдвижения неприемлемых для нас условий. Наконец, предстоит целая серия «показательных» процессов, допросов и иных придинок по отношению к тем американским фирмам, которые являются договорными контрагентами наших объединений и в которых работают советские люди (известное Вам привлечение к суду членов правления «Бук-книги», которым будут предъявлены какие-то нам пока не известные обвинения; слушание дела начинается завтра).

С явного благословения вашингтонских органов иммиграционные власти Нью-Йорка придираются к въезжающим в США или уже находящимся в Нью-Йорке советским гражданам (допрос работника ТАСС тов. Ломакина, отправка группы прибывших советских инженеров на «остров слез» с издевательским допросом и т. д.). Возможны всякие иные сюрпризы, в ожидании которых полпредство и консульства приняли ряд профилактических мер. Особенно меня беспокоит возможное «расследование» Интуриста, где не все в прошлом было в порядке и сотрудник которого тов. Горин уже нашумел. По этим вопросам контактирую с компетентными т[овари]щами.

Мне кажется, что в этой исключительно напряженной обстановке *перед полпредством стоят следующие задачи:*

а) информация руководства о всех возможных изгибах ам[ериканской] линии по отношению к нам;

б) официальные представления Госдепартаменту — по согласованию с Вами — для ограждения интересов наших граждан, становящихся жертвами провокаций и придинок;

в) свертывание тех наших подставных американских фирм в США (типа Бук-книги, Интуриста, Амкино и т. д.), которые

в данной обстановке никакой пользы нам здесь не принесут и лишь «удлиняют фронт» возможных нападков и провокаций против нас; замена этих фирм договорами с обычными американскими торговыми контрагентами;

г) продолжение и укрепление работы по линии издаваемых для информационной цели журналов об СССР и ВОКСовской работы, для воздействия на интеллигенцию, большинство которой шатается, а меньшинство более или менее лояльно к нам; возможности этой работы сейчас ограничены, но свертывать ее не следовало бы, и отпущенные средства *прошу возобновить в том же объеме на 1940 год* (по линии ВОКСа); причастность полпредства к этой работе будем строже конспирировать;

д) внимательное изучение практики Амторга для выявления случаев явной дискриминации против нас со стороны гос[ударственных] органов США, для постановки перед Вами вопроса об официальных представлениях в Москве или здесь; пока таких конкретных случаев, в которых были бы замешаны американские гос[ударственные] органы, пред[седатель] Амторгатов. Лукашев нам назвать не мог;

е) поиски контакта с теми политическими лидерами обеих партий, которые активно выступали против разрыва отношений с нами; поиски контакта с теми промышленными и финансовыми кругами, которые заинтересованы в торговле с Германией (напр., химический концерн Дюпона, связанный также с автомобильным концерном «Дженерал Моторс», имеющий широкие связи и интересы в Германии и совершенно выпадавший за последние годы из поля зрения наших хозяйственников, имевших дело преимущественно с фирмами и банками, нити от которых ведут к враждебному нам англофильскому дому Моргана);

ж) в подходящий момент, при получении на то Вашего указания, возобновление контакта с Хэллом, у которого я так и не был с момента своего приезда, а также, в случае необходимости, с Рузвельтом. Мой контакт с Госдепартаментом сейчас ограничивается текущими рутинными делами, а развернутая постановка накопившихся вопросов перед руководящими деятелями вреда во всяком случае не принесет, а некоторую пользу — быть может. Пока считаю себя связанным Вашим указанием ждать вызова Хэлла или Рузвельта и без этого к ним не ходить. Рузвельта увижу завтра на ежегодном приеме в Белом доме, но в этих случаях он обменивается с послами лишь парой слов. Буду ждать Ваших указаний;

з) учитывая Ваши указания, никаких интервью для или не для печати не даю, несмотря на натиск журналистов; предложения радиокompаний о выступлении по радио с разъяснением нашей позиции в финском конфликте я отвел. Если обстановка хотя бы немного изменится к лучшему, поставлю перед Вами вопрос о каком-либо выступлении по радио или ином, представив на Ваше утверждение проект. Учитывая враждебность прессы, замалчивающей или искажающей наши официальные выступления, изложение по радио нашей позиции и правдивых фактов было бы полезным и дошло бы до *десятков миллионов* людей. Пока же в области прессы и радио мы целиком уступили поле брани враждебным нам кругам и не пользуемся все еще имеющимися возможностями обращения к широкому общественному мнению через голову врагов. Повторяю, что имею в виду подобное выступление лишь в случае некоторого улучшения обстановки, ибо в данный момент антисоветская истерика еще в разгаре и надо дать ей немного улечься.

Буду ждать Ваших указаний.

Прошу извинить многословное письмо, резюмирующее впечатление, накопившиеся от бесед и изучения материалов за месяц со времени возвращения из Москвы. В дальнейшем постараюсь быть более кратким. Прошу также извинить неряшливую машинпись, объясняющуюся тем, что я обычно пишу на машинке сам.

С товарищеским приветом,

Полпред СССР в США К. Уманский

<...>

<Политическое письмо К. А. Уманского С. А. Лозовскому>*

Политическое письмо полномочного представителя СССР в США К. А. Уманского заместителю народного комиссара иностранных дел С. А. Лозовскому о внешнеполитическом курсе

---

* Впервые: Советско-американские отношения 1939–1945. 1939 год. № 9. С. 54–62. № 13. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 292. Л. 55–70. Копия. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

правительства США, внутривластической обстановке в стране и о состоянии советско-американских отношений

4 мая 1940 г. Секретно

Многоуважаемый Соломон Абрамович,

Пользуюсь внеочередной почтой, чтобы вкратце изложить Вам некоторые основные моменты здешней обстановки.

1. *Внешнеполитическая линия Рузвельта* остается линией прогрессивного вползания в войну, расчета на войну длительную, расчета на помощь союзникам и победу их в этой войне, расчета на всеобщее ослабление воюющих и ряда нейтральных стран в процессе и в исходе этой войны, с тем чтобы во время и в итоге войны осуществлять собственную, американскую империалистическую программу (вытеснение английского влияния из Аргентины, нажим на Мексику, «приобретение» союзнических и голландских владений в Карибском море, Гренландии и т. д., а также — в дальнейшей перспективе — укрепление американских позиций в Тихоокеанском бассейне за счет как Японии, так и Англии, Франции, Голландии). Разгром антисоветского плацдарма в Финляндии несколько подорвал иллюзии Рузвельта насчет возможности открыть против нас новые фронты и перевести войну на антисоветские рельсы, однако всякая возможность в этом направлении будет им поощряться, как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Во всяком случае, пока нет ни малейших признаков того, чтобы в расчеты Рузвельта входил какой-либо положительный контакт с нами по вопросам европейским или дальневосточным; только существенное улучшение наших отношений с Англией сдвинуло бы Рузвельта с его нынешней последовательно враждебной нам позиции. Пока же он не только не толкает англичан на упорядочение отношений с нами, а лишь секундирует всем антисоветским интригам англичан в США (саботаж нашей торговли с США по наущению английских агентов, содействие английской «полу-блокаде» наших тихоокеанских портов путем отказа нам в американском тоннаже, «моральное эмбарго» и т. д.). Антияпонская шумиха американских политиканов и газет остается в значительной части блефом: как я Вам писал пару месяцев тому назад, шантажирование японцев введением эмбарго (вполне сейчас юридически осуществимым ввиду безоговорочного состояния торговых отношений с Японией) остается такой же пустой угрозой, как и активизация финан-

совой и военной помощи Китаю; перепалка с Арита по вопросу об Индонезии может превратиться в свою противоположность: в переговоры о «нейтрализации» Индонезии как вступление к политической сделке с японцами за счет Китая; во всяком случае, заявление адмирала Тауссига о «неизбежности войны с Японией» было встречено правительством и прессой в штыки и было резко дезавуировано; на днях мне передавали о весьма подозрительном заявлении, сделанном в частном разговоре Хорнбеком («политический советник по дальневосточным делам» Госдепартамента), что-де не следует упрощать представления о Ван Цзинвэе как простой марионетке в руках японцев, что-де в определенный момент он может оказаться для японцев опасным, что-де консервативные элементы в Чунцине, наверное, будут «искать контакта» с Нанкином «перед лицом активизации китайских коммунистов» и т. д. За этими тенденциями, так же как и за проявлениями постоянного, хотя и скрываемого опасения американцев, что нам удастся упорядочить отношения с японцами, будем внимательно следить. Пока следует зарегистрировать факт, что Рузвельт отменил свое первоначальное решение вызвать в отпуск в Вашингтон своего посла в Токио англофила и японофила Грю, вызов которого здесь сначала приписывали недовольству Рузвельта японофильскими увлечениями Грю. Мне кажется, что на данном этапе обострение отношений с Японией никак не входит в расчеты Рузвельта, который, и с согласия англичан, пытается затянуть развязку противоречий с японцами «до после» европейской войны, пока же от времени до времени инсценирует перепалку с японцами, главным образом для того, чтобы выжать из Конгресса дополнительные ассигнования на дальнейшее расширение своей военно-морской строительной сверхпрограммы (Конгресс на днях дал увеличение на 11 проц., Рузвельт добивается увеличения на 25 проц.). Известный Вам д-р Картер, очень хорошо информированный, на днях снова говорил мне о том, что наиболее авторитетные американские морские круги настроены решительно против форсирования развязки с Японией, считают, что ам[ериканскому] флоту нужно еще годика два для подготовки и что в свете скандинавского урока, доказавшего большую уязвимость флота для авиации, чем предполагалось, нужна будет дополнительная реконструкция надстроек линейных кораблей, на что потребуются дополнительное время; те же крути, по словам Картера, не верят в близость японской агрессии против Голланд-

ской Индии, считая, что японские базы слишком далеки для операций японского флота, что база на о-ве Хайнань, наиболее близко расположенном к этому театру, еще не оборудована и что голландцы обладают неплохой авиацией (в частности, американского происхождения) и могут обесценить агрессию тем, что приведут в негодность нефтяные источники. Во всяком случае, повторяю, в шумихе по вопросу о Голл[андской] Индии много блефа, рассчитанного прежде всего на форсирование морских сверх-вооружений США (см. обзор на эту тему в посылаемом данной почтой бюллетене печати).

Главный канал помощи союзникам в данный момент (помимо помощи дипломатической, вроде применяемой в данный момент политики «кнута и пряника» по отношению к Италии) — военно-промышленная помощь, в первую очередь по линии авиации. Под шумок скандинавских событий в переговорах с союзническими авиационными миссиями сглажены в основном все разногласия: союзники расширили количество типов заказываемых самолетов (что в большей степени загружает ВСЕ авиазаводы и ликвидирует опасность для авиапромышленности и для армии США затормозить развитие новых моделей в случае концентрации на крупносерийном производстве всего нескольких типов); американцы, в свою очередь, дают союзникам новейшие, засекреченные типы, включая самолеты, не только еще не поставленные на вооружение в армии США, но лишь поступившие на испытание; союзники обязались не ставить у себя производства этих типов самолетов; американцы взяли с союзников обязательство докладывать о показателях своих самолетов в бою; союзнические авиамиссии получили разрешение работать на испытательных аэродромах в США (Райт Филд и Лэнгли Филд), т. е. получают неограниченный доступ к сокровеннейшим военным тайнам; лишь отдельные агрегаты (прицелы, бомбодержатели, нагнетатели), по-видимому, остаются формально засекреченными. Что весьма важно: военно-промышленная помощь начинает выходить за пределы авиации, за последнее время имеются сообщения о том, что по прецеденту авиации с той же тройной целью помощи союзникам, барышей для ам[ериканских] промышленников и расширения производственного аппарата американской военной промышленности союзникам дается разрешение на заказы в США артиллерии (производимой на гос[ударственных] заводах), а также танков, боеприпасов и т. д.

Рузвельт делает поистине для союзников ВСЕ осуществимое в рамках формального соблюдения «нейтралитета». Ему, однако, приходится оставаться в этих рамках по одному вопросу, который с течением времени будет приобретать все большую остроту: по вопросу о финансировании союзнических заказов. Пока что союзники сами финансируют не только свои заказы, но и — в отношении авиапромышленности — необходимое для выполнения этих заказов строительство дополнительных цехов. Союзники рассчитывают, что промышленники, расширившие производственную базу, сами будут настаивать на предоставлении союзникам кредитов и займов во избежание краха предприятий и стоящих за ними банков. Расчет правильный, однако до ноябрьских выборов Конгресс на предоставление займов едва ли пойдет, ибо для этого нужен затруднительный в предвыборной обстановке пересмотр законодательства о нейтралитете, запрещающего займы и кредиты воюющим странам.

Экономический советник Госдепартамента Пазвольский на днях на обеде у литовского посланника говорил нам, что у союзников еще имеется в США ценных бумаг, золота и инвестиций на ок[оло] 7 миллиардов долларов и что даже при бурных темпах развития войны они смогут «жить» на эти резервы в США года полтора-два, но что после этого-де действительно неизбежно возникнет вопрос о займах. По-видимому, по правительственной линии займами будет обеспечена лишь поставка американских сельскохозяйственных излишков, которых союзники пока почти не покупают, но, по расчетам американцев, вынуждены будут в дальнейшем покупать, тогда как промышленные заказы будут обеспечены частными займами. В этой связи в Вашингтоне все чаще поговаривают о том, что непопулярнейший вопрос о предоставлении займов союзникам можно было бы сделать популярным, если эти займы превратились бы в уплату за «приобретение» Америкой англо-французских владений в Карибском море (Ямайка, Тринидад и т. д.).

Данной почтой я посылаю Вам вышедшую на днях нашумевшую книгу двух вашингтонских политических обозревателей Олсопа и Кинтнера под громким названием «Американская Белая книга». Название это является рекламным трюком, но, как мне доподлинно известно, эти журналисты, весьма вхожие к Рузвельту, с его разрешения просидели полных два месяца в Госдепартаменте, где под руководством зам[естителя] Хэлла Берли

знакомились с рядом секретных материалов, преимущественно периода 1938–39 годов, вплоть до начала войны, показали свою книгу ряду членов правительства до ее опубликования и всячески инспирировались. Рузвельт не далее как вчера публично похвалил книгу и тем самым придал ей официальный характер. Это немудрено, если учесть, что она опубликована в явно предвыборных целях, ставя своей основной целью создание своего рода «алиби» для Рузвельта как «миротворца». На самом же деле книга — грубо тенденциозное искажение действительного содержания внешней политики США. Она интересна, однако, тем, что попутно ее авторы разбалтывают ряд интимных деталей, в частности, такую «мелочь», что, например, в известном послании Рузвельта Гитлеру и Муссолини в апреле пр[ошлого] г[ода] с вопросом, готовы ли они дать обязательство не нападать на такие-то нижепоименованные страны (включавшие всех их соседей), Рузвельт в первоначальном проекте, пересланном им в Госдепартамент, «случайно забыл» упомянуть СССР и что лишь затем Госдепартамент предложил ему включить в список «Россию». Но в данном контексте я упоминаю эту книгу главным образом для того, чтобы обратить Ваше внимание на следующие фразы, содержащиеся в конце ее и отвечающие на вопрос о том, какова будет тактика Правительства США, если союзникам будет угрожать поражение в данной войне. Инспирированные авторы отвечают на это, в частности, следующим образом:

«...Нам придется выбирать между предоставлением союзникам кредитов, снабжения, золота или же принятием всех последствий германской победы. Перед лицом подобного выбора нынешние руководители американской политики несомненно предпочтут, если это будет осуществимо, предоставить союзникам необходимую экономическую помощь. Многие из них (политических руководителей. — К. У.) будут возражать против займов, которые никогда не будут возвращены и поэтому станут таким же источником неприятностей, как и займы первой войны. *Однако бесплатное снабжение товарами или золото для покупки этих товаров в обмен за желательные политические и экономические уступки* было бы делом совсем иной категории (курсив мой. — К. У.). Если экономическая помощь будет недостаточной... то, если решение будет находиться в руках Рузвельта, американская экспедиционная армия *не* будет послана через Атлантику, но, с другой стороны, нет оснований предполагать, что *в случае необ-*

ходимости Рузвельт стал бы возражать против оказания помощи союзникам со стороны нашего флота и военно-воздушных сил...»

Данное письмо пишу Вам в день, когда весь масштаб бесславного провала английской экспедиционной авантюры в Скандинавии* предстал перед американцами во весь рост, несмотря на то что почти по «финскому» образцу американская пресса до этого пыталась видеть в Норвегии лишь союзнические успехи. Неприглядная эта картина, конечно, еще больше подрыывает и без того расшатанный военный престиж англичан, однако действие этих поражений на обрабатываемое буржуазной прессой общественное мнение двоякое: с одной стороны, падает этот престиж, с другой стороны, наиболее активным империалистическим кругам, в руках которых находятся пресса, радио, кино и т. д., это дает возможность еще более усилить пропаганду за необходимость усилить помощь союзникам, пропаганду на тему о «спасении цивилизации», об опасностях для США превращения Германии в атлантическую державу, угрожающую де Латинской Америке, об опасности для «цивилизации» (т. е. для всей капиталистической системы) крушения морского могущества Англии как разделяющей с США «ответственность за мировой правопорядок» и т. д. в этом же духе, в котором сейчас пишутся десятки передовых статей в ам[ериканской] руководящей печати. Родится ли в этой обстановке у Рузвельта и в его окружении мысль о контакте с нами как с решающей нейтральной великой державой? Пока никаких признаков в этом направлении нет.

2. Внутриполитическая обстановка определяется прежде всего приближающимися съездами обеих буржуазных партий. Шансы Рузвельта, который по-прежнему красноречиво молчит о своих намерениях кандидировать в третий раз, резко пошли вверх именно в силу напряженности международной обстановки. Если крушение миссии Самнера Уэллеса** и провал финской

---

* 14 апреля 1940 г. англо-франко-польские войска высадились в Северной Норвегии для оказания помощи норвежцам в борьбе против немецко-фашистских войск, оккупировавших Норвегию в начале апреля. Потерпев ряд поражений, союзнические войска были вынуждены 5–8 июня эвакуироваться. — *Примеч. сост.*

** Имеется в виду поездка заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса в Европу в феврале—марте 1940 г. по указанию президента США Ф. Рузвельта в целях использования «последнего шанса мира» в преддверии

авантюры* и проектов создания новых антисоветских фронтов временно (в середине марта) несколько подорвали внутривнутриполитические позиции Рузвельта как «миротворца» (в связи с чем выставил свою кандидатуру Фарли и активизировался Гарнер), то примерно начиная со скандинавских событий Рузвельт, взяв альтернативный курс — «спасителя» США в обстановке хаоса и «крушения цивилизации», — снова пошел круто на повышение. Это отразилось и на поведении его соперников по демократической партии: Гарнер заключил т. н. «вашингтонское соглашение» с рузвельтовским лагерем, в силу которого сторонники Гарнера на съезде готовы будут голосовать за Рузвельта, если он будет кандидировать и если остальные делегации, очередь которых наступит раньше, будут в основном голосовать за него (полуанекдотическая деталь: сторонники Гарнера — в основном из штата Техас: голосование происходит в алфавитном порядке по списку штатов; буква «Т» ближе к концу алфавита; пользуясь этим, сторонники Гарнера оставляют за собой право определить, куда подует ветер; так или иначе, гарнеровцы, представляющие правый фланг партии, признают возросшие шансы Рузвельта; по-видимому, на попятный пойдет и Фарли). Другими словами, если Рузвельт захочет выставить свою кандидатуру, он пройдет на съезде безусловно, а на президентских выборах, по всей вероятности, также. Очевидно, в учете непопулярности беспрецедентного избрания одного и того же президента на третье четырехлетие Рузвельт и его сторонники постараются инсценировать до съезда или на самом съезде «челобитную» перед якобы не желающим нарушить традицию Рузвельтом и «уломают» его во имя того, что-де, как гласит английская пословица, «перебираясь через реку, не перепрыгают лошадей» («река» — чрезвычайная, военная обстановка).

Республиканцы и их кандидаты в президенты (Тафт, Дьюи, Ванденберг, Уилки) в разной степени манипулируют изоляционистскими лозунгами, играя на сильных, хотя и неоформленных (и, пожалуй, ОТНОСИТЕЛЬНО ослабленных скандинавскими событиями) изоляционистских настроениях в широких кругах. Однако демагогический характер этой игры прозрачен и явствует

готовившихся новых агрессивных акций Германии весной 1940 г. Уэллес посетил Италию, Германию, Великобританию и Францию. — *Примеч. сост.*

* Имеется в виду советско-финляндская война 1939–1940 гг. — *Примеч. сост.*

хотя бы из того, что Дьюи, выступая в восточных, менее изоляционистских штатах, обычно воздерживается от критики внешней политики Рузвельта и спускается на нее преимущественно перед фермерами среднезападных и западных штатов. Более последовательно изоляционистскую позицию занимает Тафт, но и у него, и у Ванденберга это переплетается с такой стопроцентной черносотенной реакционностью (и враждебностью к нам), что не может подлежать никакому сомнению, что, будучи, паче чаяния, избраны, республиканцы не только продолжают, но и будут еще более форсировать провоенную интервенционистскую линию. Следует учесть, что Ванденберги более непосредственно связаны с тузами финансового капитала, чем не столь давно конфликтовавший с ними бывший «реформатор» Рузвельт, хотя он с течением времени и становится все более приемлемым для Уолл-стрита, по мере того как в интересах втягивания в войну испаряется весь его реформизм, настраиваются им на войну вся экономика и политика страны и разгром передовых рабочих организаций все более явно становится частью рузвельтовского мобилизационного плана.

Действительные, массовые антивоенные настроения находят организованное и внятное выражение через производственные профсоюзы и их лидера Льюиса (см. в бюллетене внешнеполитическую часть его выступления на негритянском конгрессе). Из окружения Льюиса его ближайший помощник передает мне, что антивоенные настроения его и позиция по отношению к нам устойчивы, но что по вопросу о том, как на выборах он использует свое влияние на 4 с лишним миллиона членов производственных профсоюзов, он окончательной тактики не избрал. У него явные иллюзии насчет «прогрессивности» и изоляционизма одного из демократических кандидатов — Уиллера — весьма скользкого псевдолиберального политика, к тому же не имеющего шансов на избрание на съезде. Один из задуманных Льюисом вариантов — объявить, что подходящего кандидата в президенты из числа буржуазных политических деятелей, с точки зрения интересов организованного рабочего класса, нет и что поэтому он предлагает, поскольку третья партия пока не организована, членам профсоюзов от участия в президентских выборах воздержаться. На днях узнаю о новейших планах Льюиса точнее.

Основное, что я хотел бы подчеркнуть в связи с предстоящими выборами, это все более явно вырисовывающаяся тенденция

Рузвельта принять бой с республиканцами по международным вопросам, не связываться — как это сделал Вильсон за полгода до объявления войны Германии — обещаниями держать США «в стороне от войны» и не конкурировать с республиканцами в демагогическом соревновании на тему о том, кто лучше сумеет избавить США от вовлечения в войну. Правда, Рузвельт в своих выступлениях и говорит о своей «надежде» и «вере» в то, что США смогут избежать участия в войне, но одновременно осторожно, но в то же время упорно, продолжает готовить общественное мнение к прогрессивному вползанию в войну: намеки на «заинтересованность в судьбах цивилизации», в «будущем порядке» и т. д. (см. его речь к молодым демократам в бюллетене печати). Другими словами, Рузвельт считает, что изоляционизм подорван, что изоляционистская демагогия республиканцев ему не страшна, что с антивоенными настроениями он совладеет и что поэтому необходимости давать обещания избирателям «а-ля Вильсон» нет. Из его окружения знакомым журналистам говорили, что Рузвельт исходит из того, что традиционная цитадель изоляционизма — Средний Запад — перестала быть таковой в связи со скандинавскими событиями, так как якобы антигерманские настроения в этих штатах, где имеется много выходцев из скандинавских стран, оказались сильнее изоляционизма.

3. Наши отношения с США, как уже указано выше, определяются неизменно недружелюбной линией Рузвельта, которую лояльно, хотя и более сдержанно, чем президент, проводит осторожный Хэлл. Если не считать заданных им мне при последней встрече вопросов о том, разделяем ли мы американскую концепцию агрессивной программы японцев и каков характер нашего нейтралитета, — других попыток политического контакта со стороны руководителей правительства не было. Нет у них, по-видимому, и намерения отказаться от политики «морального эмбарго». Более того, отход от политики «морального эмбарго» становится все менее вероятным по мере того, как Правительство США предоставляет англо-французам все более широкую военно-промышленную помощь. Применение «морального эмбарго» к нам, немцам и японцам автоматически исключает нас и эти страны из числа тех, которые имеют доступ к широко рассекречиваемым авиационным новинкам, и чем более они рассекречиваются, тем упорнее становится тенденция закрывать нам доступ к ним под предлогом «морального эмбарго». С отменой

последнего у американских военных органов не было бы никакого орудия воздействия на авиапромышленников, которые отнюдь не возражали бы против выполнения наших заказов на самолеты или техпомощь по тем же моделям, которые поставляются союзникам. Что касается эмбарго на предоставление нам техпомощи по производству высокооктанового бензина, то за этим по-прежнему скрывается давление нефтяников, в частности, рокфеллеровской группы, опасавшейся рассекречивания новейших методов крекинга (с выходом бензина до 125 октанового числа!) и удара по вывозу американского авиабензина в Японию. По этому вопросу у нас в чужом пиру похмелье, т. к. эта часть эмбарго заострена против Японии, по соображениям не столь политическим, сколь меркантильным. Однако буду и дальше добиваться отмены отказа в визе американским специалистам и не исключаю, что по этому вопросу мы можем добиться положительных результатов.

По этим и остальным вопросам, когда в Госдепартаменте указываешь на дискриминационный характер всех этих мероприятий, противоречащих закрепленному в нашем торг[овом] соглашении принципу наибольшего благоприятствования, невозможно получить толкового ответа, ибо Госдепартамент не может ничем опровергнуть нашей аргументации и так же, как и Штейнгардт, становится на путь голословного отрицания факта дискриминации и туманных ссылок на «общественное мнение». Несмотря на это, мне представляется целесообразным продолжать наше «дип[ломатическое] наступление» по этим вопросам, с тем чтобы, во-первых, предотвратить новые пакости этого рода, а во-вторых, добиться частичных уступок. В качестве примера того, что это отчасти уже достигнуто нашим нажимом, упомяну, что, как передает мне председатель нашей комиссии на авиазаводе Райта (моторы) тов. Новиков, часть комиссии впервые за последние месяцы получила доступ в один из цехов, что имеет для нас первостепенное практическое значение.

Конкретных фактов нажима правительственных органов на станкопромышленников (о чем я говорил на совещании в Госдепартаменте) у нас в действительности нет, хотя при хорошей постановке работы в Амторге последний мог бы нас этими фактами, наверняка имеющими место, снабдить. Однако по этому вопросу я говорил в Госдепартаменте весьма решительно, так как имел из первоклассного источника информацию о том, что

межведомственный орган (т. н. Комиссия связи в составе представителей Военного и Морского интендантств и Министерства финансов, координирующая заказы англо-французов) рекомендует станкостроителям передавать союзникам уже находящиеся в производстве наши заказы. Снова попросил тов. Лукашева через приемщиков и иными путями узнавать и сигнализировать нам все факты из этой области, но пока имеем лишь факты отказа промышленников от выполнения наших заказов без всяких обязательных признаков правительственного давления. Это не мешает нам, конечно, в разговорах с Госдепартаментом приписывать это поведение промышленников всей недружелюбной линии правительства.

Самым серьезным вопросом предоставляется мне сейчас вопрос о фрахте. По этому важнейшему вопросу Амторг работает архинетчно. Тов. Лукашев в течение нескольких месяцев уверял меня, что с американским тоннажем якобы все в порядке, что случаи отказа в американском фрахте со стороны правительственной Морской комиссии «улажены» и т. д. В действительности же оказалось, что американский тоннаж Амторг доставал лишь путем известного обхода закона судовладельцами («аренда» части парохода, вместо его «чартирования», при котором требуется разрешение Морской комиссии) и вводил в заблуждение и нас, и Наркомвнешторг. Между тем с этой неслыханной дискриминацией мы мириться никак не должны, даже если, как утверждает Амторг, американский тоннаж нам якобы не нужен. Об этом деле, как Вы знаете, я говорил, с Вашего согласия, на совещаниях в Госдепартаменте в начале апреля и на днях напомню Моффату и Фейсу об их обещании разъяснить нам мотивы отказа Морской комиссии во фрахтовании пароходов на советские дальневосточные порты, в условиях, когда, напр[имер], японские импортеры имеют возможность фрахтовать без затруднений американский тоннаж в свои порты. Тем временем, как Вам известно из сообщений ТАССа, в американской прессе по этому вопросу уже появились проинспирированные сообщения о том, что отказ в американском тоннаже является политическим актом, производимым в угоду англичанам, как американская лепта в их политику блокирования наших портов. Никакого сколько-нибудь вразумительного ответа ни Госдепартамент, ни Морская комиссия, куда обращались журналисты, дать не может. По давно следует, по-моему, настаивать на ответе, избличая грубую

дискриминацию. Совершенно явно американцы тянут с ответом на этот вопрос в ожидании новостей о ходе наших переговоров с англичанами по торговым делам. В случае успеха этих переговоров можно ожидать улучшения положения и с американским фрахтом, и по ряду других вопросов. В случае срыва переговоров английская агентура в Госдепартаменте позаботится о том, чтобы закрепить старые и придумать новые меры дискриминации.

Следует отметить, что корректно ведет себя Министерство торговли и на днях в третий раз выступило в прессе с опровержением английских утверждений о массовых закупках нами, якобы для Германии, меди и иного стратегического сырья в США, указав, что закупаемое нами здесь количество меди ниже нашей нормальной импортной потребности, удовлетворявшейся в довоенное время через лондонский рынок. Госдепартамент по-прежнему ждет нашего ответа на свой меморандум с требованием отказа Амторга от закупок в США олова и каучука, однако за последнее время, в связи с прекращением нами всех закупок в США т. н. биржевых товаров, острота вопроса, по-видимому, уменьшилась, и, если мое предложение о переговорах о контингентировании в обмен на контингент экспорта нашего марганца не принято Вами, то лучше всего пока на меморандум вовсе не реагировать. Во всяком случае, переговоры на эту тему дали пока один плюс: Госдепартамент прекратил свои шантажистские попытки заставить Амторг под давлением налоговых и таможенных угроз дать письменное обязательство подчиняться не только законам, но и «политике» Правительства США (имелась в виду политика не-экспорта стратегического дефицитного сырья, но в формулировке Госдепартамента Амторг взял бы на себя рискованное общее обязательство, подписал бы своего рода бланковый вексель).

Несмотря на частые встречи с тов. Лукашевым и его помощниками и на то, что я стараюсь максимально информировать их об обстановке, Амторг относится с поразительной беспечностью и аполитичностью к даваемым сигналам: и «моральное эмбарго», и кризис с фрахтом, и ряд других трудностей застают амторговцев врасплох. Директивы товарища Микояна, в частности о фрахте, например о том, чтобы грузить отдельно оборудование и сырье, в минимум двух случаях нарушались, что повышало риск захвата пароходов англичанами. Сейчас амторговцы (зам[еститель] пред[седателя] правления тов. Петров) уже признают правоту моих упреков в том, что засылка меди в Мек-

сику для экспорта оттуда в наши дальневосточные порты была грубой ошибкой, ибо эта необычная операция (на которой Амторг переплатил около 100 тысяч долларов, по признанию того же тов. Петрова) обратила на себя всеобщее внимание в прессе США и Мексики и была одной из причин захвата «Маяковского», забравшего часть этой меди, производимой, как известно, на Западе США, но посланной Амторгом из Нью-Йорка в Мексику и оттуда во Владивосток! У Амторга и его руководства поразительно беспечно-высокомерное отношение к юридическим вопросам, полное незнание азов здешней правовой практики, и отсюда проистекает масса практических ошибок.

На эту тему ближайшей почтой напишу Вячеславу Михайловичу подробно, с точным фактическим материалом. Вопрос о качестве руководства Амторга, не умеющего выполнять директивы товарища Микояна и недостаточно прислушивающегося к советам полпредства, беспокоит меня все больше и больше.

Предстоящий приезд Штейнгардта не вызвал комментариев в прессе, и тот факт, что он не взял с собой семьи, послужил хорошим «амортизатором». К тому толкованию значения его командировки, которое я Вам дал телеграфно, пока нечего добавить. Постараюсь здесь поддерживать с ним хороший контакт.

4. Вас, возможно, заинтересуют следующие детали, связанные с изобличением фальшивки «Нью-Йорк таймс» на тему о наших мнимых планах по отношению к Китаю (прилагаю к данному письму факсимиле апокрифической «карты»): сразу же в утро опубликования фальшивки я позвонил по телефону известному Вам д-ру Картеру (Ин[ститу]т тихоокеанских отношений) и, сообщив ему, что при предварительном рассмотрении обнаружил свыше двадцати ляпсусов в фальшивке, являющихся доказательством ее поддельности, спросил его, не считает ли он уместным, чтобы Институт как общепризнанный авторитет по делам Дальнего Востока и, в частности, по делам советской дальневосточной политики выступил со своей экспертизой и установил поддельность. Картер сразу же согласился, и я ему продиктовал замеченные ляпсусы в транскрипции, искажении герба и т. д., и т. п., из которых Картер затем часть использовал. Однако Картер не захотел выступить с заявлением от имени Ин[ститу]та, а предпочел письмо в редакцию за подписью секретаря Ин[ститу]та Филда (текст имеется в бюллетене прессы, посылаемом данной почтой). Я попросил его немедленно связаться с «Таймсом» и настоять

на опубликовании письма на следующий же день, с тем чтобы фальшивка не пошла гулять по остальной прессе. Картер повел переговоры с «Таймсом», который сначала отказался опубликовать опровержение, а затем уступил после угроз Картера, что он разоблачит поведение «Таймса» в других газетах. Несмотря на опубликование письма Филда на следующий же день в «Таймсе» (что необычно, ибо письма в редакцию, как правило, маринуются «Таймсом» по нескольку дней и даже недель), «Геральд трибюн» и херстовская «Джорнал амэрикен» сослались в своих передовицах на фальшивку, не упомянув об опровержении. Вы найдете в бюллетене печати прекрасное письмо Картера в редакцию «Трибюн», которая, однако, ответила Картеру, опубликовав его письмо, подлой передовой статьей с намеками на его просоветскую тенденциозность. Однако в этой передовой «Трибюн» не стала на точку зрения подлинности этого «документа». Так или иначе, руками самих же американцев фальшивка была изобличена. Так как действовать надо было быстро, я вступил именно на этот путь, опасаясь, что, если буду просить Вашего разрешения на опровержение, не смогу получить ответа в тот же день. Кстати, от лиц, имеющих доступ к телеграммам, получаемым «Таймсом» от его корр[еспонден]тов из-за границы, слышу, что Гэдис прислал из Москвы телеграмму на эту тему с описанием карикатуры на Абэнду в одной из наших газет. «Таймс» эту корреспонденцию своего московского корреспондента не опубликовал.

В свете изложенного в начале данного письма о тенденции Хорнбека (и ряда газет) натравливать Чан Кайши на коммунистов и не зарекаться от заигрывания с Ван Цзинвэем эта фальшивка, подсунутая, видимо, Абэнду японо-ванцинвэйскими кругами, характерна.

5. Посылаю Вам для передачи заинтересованным т[овари]щам материалы апелляции по делу Горина. По существу этого дела в данный момент не могу ничего добавить к уже известным Вам фактам и перспективам.

С товарищеским приветом,

Полпред СССР в США Уманский

